

УДК 159.923.2

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ВАМПИРИЗМ И ЛИБИДОФАГИЯ В КОНТЕКСТЕ ПСИХОЛОГИИ ГЛУБИННЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

Сагайдак А.Н., к. психол. н.

Ассоциация глубинной психологии «Теурунг»

В статье представлены результаты исследований феномена дуальных отношений (дуальюниона) и способов его преодоления в контексте психологии глубинных трансформаций.

Ключевые слова: дуальюнион, отщепленный аффективный комплекс, психологический вампиризм, либидофагия, психология глубинных трансформаций.

У статті представлені результати досліджень феномену дуальних стосунків (дуальюніону) та засобів його подолання в контексті психології глибинних трансформацій.

Ключові слова: дуальюніон, відщеплений афективний комплекс, психологічний вампіризм, лібідофагія, психологія глибинних трансформацій.

Sagaydak A.N. PSYCHOLOGICAL VAMPIRISM AND LIBIDOFAGIYA IN THE CONTEXT OF THE PSYCHOLOGY OF DEEP TRANSFORMATION

The paper presents the results of studies of the phenomenon of dual relationships and ways to overcome it in the context of deep transformations psychology.

Key words: dualyunion, cleaved complex affective, psychological vampirism libidofagiya psychology of deep transformations.

Постановка проблемы. Практика групповой и индивидуальной психотерапии, осуществляемая ассоциацией глубинной психологии «Теурунг», показывает, что одной из ведущих клиентских проблем в тех регионах, в которых действует Ассоциация (Одесса, Харьков, Днепропетровск, Полтава, Киев, Кишинев), является дуальюнион личностных отношений. Это феномен, зафиксированный Л. Сонди [12] в концепции судьбоанализа, содержанием которого является «мучительная привязанность к отцовской или материнской фигуре с взаимной агрессией, накладывающая отпечаток на весь стиль жизни» [12].

Дуальюнион, в сущности, представляет собой отщепленный аффективный комплекс травматического характера, описанный К.Г. Юнгом в работе «Психологические типы»: «Изолированные комплексы находятся сначала рядом, без взаимного действия, из-за чего нет и взаимопроникновения, ведущего к взаимоуподоблению и исправлению. Правда, они строго и логично замкнуты в самих себе, но им недостает исправляющего влияния со стороны иначе направленных комплексов. Поэтому легко может случиться, что какой-нибудь особенно сильный и, значит, особенно замкнутый и не поддающийся влиянию комплекс усилится до того, что выступит в качестве «сверхценной идеи», т.е. станет доминантой, не допускающей никакой критики и пользующейся полнейшей автономией» [17]. Любому психотерапевту, которому приходилось работать с проблематикой

дуальюниона, думаю, согласится, что приведенное К.Г. Юнгом определение полностью соответствует характеристикам такой дуальной связи, представляющей устойчивые амбивалентные отношения по типу морального садомазохизма, в которых любовь и страх к объекту теснейшим образом связаны с ненавистью и страданием. Будучи воспринятым, как правило, из родового бессознательного [12] как навязанный жизненный сценарий, такой комплекс может проявляться в качестве доминирующего стиля родительского поведения в рамках родительской семьи, на сознательном уровне отвергаться личностью, нередко даже в протестных, нонконформистских формах вплоть до наступления возраста вторичной социализации. По достижении этого возраста перед личностью становится задача выбора жизненного сценария профессиональной и гендерной самореализации, а также сценария доверительных отношений. И здесь, как показывает практика, велик риск репликации родового жизненного сценария, воспринятого по отцовской или материнской линии. Еще Л. Сонди отметил, что родовые сценарии имеют особую силу влияния – силу «навязанной судьбы» [12] в формировании доверительных отношений и в первую очередь любовно-семейных. Практика деятельности Ассоциации подтверждает эту тенденцию: из 153 человек, проходивших групповое и индивидуальное консультирование в Ассоциации в 2013 году, репликация родовых жизненных сценариев доверительных

отношений была диагностирована у 62 человек (40%); из 211 человек в 2014 году – у 89 (42%) (диагностика родовых жизненных сценариев является обязательным условием программ индивидуальной и групповой психологической работы Ассоциации).

Постановка задания. Особый интерес представляет содержание родовых жизненных сценариев, сформированных по типу дуальюниона. Имеющиеся на сегодняшний день данные позволяют говорить о том, что наибольшей деструктивностью обладают два вида дуальных отношений, которые в практике Ассоциации получили названия «либидофагия» и «психологический вампиризм». Прежде чем приступить к содержательному описанию этих видов дуальюниона, необходимо отметить, что оба они связаны преимущественным влиянием материнской фигуры и, соответственно, родовых сценариев, воспринятых по материнской линии.

Изложение основного материала исследования. Тенденция, зафиксированная еще К.Г. Юнгом и описанная им в разделе «Психологические аспекты архетипа матери» книги «Душа и миф: шесть архетипов» [16], рассмотренная в дальнейшем Э. Нойманном [6], Дж. Холлисом [14], М. Вудман [4], Л.Л. Шапира [15], П. Янг-Айзендрат [18], С. Биркхойзер-Оэри [1], Дж. Рейнгольд [8], подтверждается и практикой Ассоциации [9, 10]. В силу специфики материнской фигуры как ведущей в формировании дуальных отношений закономерным является тот факт, что в дуальюнион оказывается вовлеченным в первую очередь либидинозный катексис личности. Однако влияние этого дуальюниона на либидо различается в зависимости от того, с каким из базовых векторов влечений [12] ассоциирована фигура преследователя.

Термин «психологический вампиризм» введен в научный оборот благодаря одноименной книге М.Е. Литвака [5]. В ней он подробно рассматривает этот вид отношений, раскрывая его содержание и критерии, отличающие от других видов отношений. Вот как он дает определение этому феномену: «У людей встречается особый вид паразитирования, который я называю психологическим вампиризмом. Здесь нет никакой мистики. Психологический вампиризм – поиск и использование людей в качестве защиты и источника энергии. <...> Вы уже поняли, что вампир представляет из себя эмоционально незрелую личность, этакое «психологического ребенка». И не следует ему завидовать. Тактически он выигрывает, а стратегически проигрывает. Донор, раньше пострадав от вампира,

раньше прибегнет к помощи, раньше выработает защиту от вампиризма и раньше изживет в себе признаки вампиризма» [5].

Как мы видим, М.Е. Литвак соотносит психологический вампиризм с косвенным манипулированием, осуществляемым с позиции жертвы, главная цель которого – вызвать у мнимого мучителя чувство вины с формированием последующей мотивации искупления в требуемом для манипулятора русле. Соглашаясь в целом с позицией автора, мы должны отметить, что подобного рода манипуляции могут осуществляться не только с позиции «невинной жертвы». В нашей практике мы выделяем еще две позиции, соотносимые с психологическим вампиризмом в дуальюнионе: «высокий эксперт» и «элитная орхидея» (рабочие термины Ассоциации).

«Высокий эксперт» – это позиция приписанной себе эксклюзивной компетентности. Причем, поскольку речь идет о материнской фигуре, то компетентность опирается на эмоциональный интеллект, житейский опыт, но в первую очередь – на истероидную суггестию. Обладая навыками истероидной суггестии, то есть интенсивной трансляции тонких аффектов суггеренду, «высокий эксперт» элементарно сбивает с толку объект манипуляции, вызывая у него сомнения в собственных убеждениях, намерениях, дееспособности и даже запечатленной в памяти информации. Дезориентированная таким образом жертва манипуляции либо подчиняется последующим указаниям манипулятора, либо пытается сама найти выход из навязанной интердикции [7], стремясь угадать скрытые желания манипулятора.

«Элитная орхидея» – позиция элитарности, утонченности и изысканности, что предопределяет соответствующий уровень притязаний в первую очередь – в заботе и признании. Здесь материнская фигура надевает маску «принцессы», «эльфины», «королевы в изгнании». Как и «высокий эксперт», она претендует на эксклюзивную компетентность, но уже в сфере потребностей и вкусов. Так же опираясь на истероидные ресурсы, «элитная орхидея» использует демонстративность, усиленно привлекая внимание к элитарности своих потребностей. У объекта манипуляции в этом случае формируется комплекс неполноценности с последующей мотивацией сужения по сценарию «Принцесса и свинопас».

Однако наиболее важное дополнение, которое мы считаем необходимым сделать к понятию психологического вампиризма, заключается во взаимосвязи этого

вида дуальюниона с вектором влечений S в концепции судьбоанализа. Вот как современный судьбоанализ описывает этот вектор: «Сущность этого фактора состоит в потребности к разрушению и саморазрушению, в садизме и мазохизме, в активности и пассивности. Это садомазохистический радикал, выявляющий стремление к разрушению и смерти, противоположное либидинозно-эротическому началу, направленному на персональную и коллективную любовь. Из этой амбитенденции в ходе индивидуального развития формируется либо одобряемая «Я» тенденция» к агрессии, садизму, грабежам и убийствам (реакция типа s+, s+!, s+!!, s+!!!), либо обращенная на себя форма агрессии в виде самопожертвования, мазохизма или суицидальных тенденций» [13].

Мы видим, что присвоение либидинозного катексиса манипулятором в дуальюнионе по типу психологического вампиризма осуществляется путем причинения объекту манипуляции душевной боли. Это вынуждает объект либо избегать боли, следуя предписанным манипулятором действиям, либо придавать своим страданиям псевдосмыслы, оправдывающие его мазохизм и покорность.

Либидофагия – термин, не имеющий пока что аналогов в мировой психологической практике и являющийся авторской разработкой Ассоциации. Сам по себе феномен поглощения либидинозного катексиса зафиксирован в глубинной психологии отнюдь не вчера. Наличие такого поглощения в негативной динамике материнского комплекса было зафиксировано еще К.Г.Юнгом [16] и Э. Нойманном [6]. Однако реализация таких влечений в хищнической, карниворной форме – аспект еще малоисследованный. Ведь поглощение поглощению рознь. Какие черты либидофагии как особого вида поглощения либидинозного катексиса в структуре дуальных отношений мы можем выделить?

1) Откровенно экспансионистский характер. Либидофагия игнорирует все границы личности, приватность, конфиденциальность и даже элементарные правила приличия.

2) Эгоцентризм. Фигура-источник либидофагии принципиально отказывается взглянуть на ситуацию глазами другого участника отношений и даже допустить мысль о его правоте.

3) Присвоение наиболее ценных либидинозных и в целом личностных ресурсов жертвы. Как правило, это осуществляется в форме выпытывания жертвы о ее действиях, планах, идеях, мыслях и переживаниях.

4) Открыто подчеркиваемый сервиллизм и право собственности на жертву. Фигура-источник либидофагии всячески демонстрирует свою собственность на жертву, причем характер этой собственности может доходить до фетишизации: например, запрет жертве разговаривать с кем-либо без разрешения доминанта.

5) Принципиальный отказ в праве жертвы на какую-либо когнитивную, эмоциональную и тем более поведенческую автономность. При этом доминант отнюдь не стремится погрузить жертву в состояние стагнации, однако вся ее внутрилличностная динамика должна находиться под его полным контролем.

Сравнительный анализ этих данных с результатами других исследований выявляет достаточно высокую степень сходства фигуры либидофага с эпилептоидным (авторитарно-напряженным) типом личности, как его описал П.В. Волков [3] и эпилептоидным вектором влечений E в судьбоанализе. Приведем цитату П.В. Волкова: «Сильные природные инстинкты и влечения неотделимы от ядра данного характера. Сексуальное и пищевое влечение, тяга к материальным благам и острым ощущениям, инстинкт самосохранения со свойственной ему эгоистичностью оказывают влияние на психическую жизнь эпилептоида, делая его несколько приземленным чувственником. Уже с детства эпилептоиды отличаются злопамятной мстительностью. Эпилептоидной подростковой реакции эмансипации свойственно не только стремление к свободе, но и желание незаслуженно приобрести материальные права, заставить родных обслуживать себя» [3].

А вот как описывается вектор E в современном судьбоанализе: «Этот фактор обуславливает как грубые аффекты злого человека (Каина), так и действия доброго праведника Моисея, который приносит народу запрет на убиение и заповеди добра. Л. Сонди понимает образ Моисея как «авелизированного Каина». Данное влечение может превращать человека с его яростью и ненавистью, завистью и ревностью либо в убийцу с грубыми аффектами, взрывообразно обрушивающего свои аффекты на окружающих, либо в припадочного, аллергического, психосоматического больного, мучающегося страхами и заиканием, у которого агрессия отторжена, блокирована, трансформирована в собственные страдания вместо страданий другого, враждебного лица» [13].

Приведем пример применения подобного подхода, а именно – сон одной из клиенток, приснившийся ей после сеанса

групповой работы по матерэктомии: «Я стою в старинном здании, похожем на готический собор. В нем сыро и мрачно. На мне красивое бальное платье алого цвета. Но я знаю, что мне опасно находиться в нем здесь. Выход из этого здания сделан в форме арки. Но он затянут паутиной, на которой сидят пауки с человеческими головами, и они смотрят на меня. Мне страшно смотреть на них, но я знаю, что мне нельзя здесь оставаться и я иду вперед. Вдруг один из пауков кричит, и я узнаю голос моей мамы. Я тоже кричу и бросаюсь вперед. Начинаю бить паутину палкой, которая вдруг оказывается у меня в руке. Паутина рвется и расходится, и тут я вижу, что в руке у меня дельфин. Он большой, но я легко машу им как мечом».

Мы интерпретировали это сновидение как стремление клиентки выйти из родового жизненного сценария (готический собор), одним из главных составляющих которого было жесткое табу на сексуальность (алое платье). Попытки выхода из этого сценария, предпринимаемые клиенткой ранее, наталкивались на стремление ее матери удержать ее при помощи манипулирования чувством вины (паутина, пауки с человеческими головами). Накануне сновидения клиентка проходила работу в составе группы по матерэктомии, в ходе которой у нее была зафиксирована констелляция архетипа Посейдона как Анимуса [2]. Стремление к отношениям с мужчиной такого типа придало новый импульс ее личной жизни, что помогло ей наконец-то выйти из материнско-дочернего либидофагического дуальюниона.

Выводы из проведенного исследования. Практика Ассоциации показывает, что работа с такими видами дуальюниона сопряжена с особыми трудностями. И здесь подходы психологии глубинных трансформаций [9, 10, 11], использующие принцип вертикально выстроенного внутреннего диалога между различными уровнями бессознательного при посредничестве аутентичного Я, позволяют привлекать для этой работы ресурсы коллективного бессознательного, что делает процесс преодоления

дуальных отношений более динамичным и эффективным.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Биркхойзер-Оэри С. Мать. Архетипический образ в волшебных сказках / С. Биркхойзер-Оэри. – М. : Когито-центр, 2006. – 81 с.
2. Болен Д.Ш. Боги в каждом мужчине / Д.Ш. Болен. – М. : София, 2006. – 147 с.
3. Волков П.В. Разнообразие человеческих миров : [руководство по профилактике душевных расстройств] / П.В. Волков. – М. : Аграф, 2000. – 528 с.
4. Вудман М. Стремление к совершенству: юнгианское понимание зависимостей / М. Вудман. – М. : «Класс», 2006. – 272 с.
5. Литвак М.Е. Психологический вампиризм / М.Е. Литвак. – М. : Феникс, 2008. – 68 с.
6. Нойманн Э. Происхождение и развитие сознания / Э. Нойманн. – М. : Рефл-бук, 1998. – 464 с.
7. Поршнев Б.Ф. О начале человеческой истории / Б.Ф. Поршнев. – М. : ФЭРИ-В, 2006. – 640 с.
8. Рейнгольд Дж.С. Мать, тревога и смерть: комплекс трагической смерти / Дж.С. Рейнгольд. – М. : ПЕРСЭ, 2004. – 384 с.
9. Сагайдак А.Н. Палеопсихологические детерминанты формирования архетипа ужасного младенца / А.Н. Сагайдак // Вісник Одеського національного університету. Психологія. – 2012. – Т. 17. – Вип. 8. – С. 228–235.
10. Сагайдак А.Н. Архетип Внутреннего Оракула и Понтифекс-Я как ресурсы психологии глубинных трансформаций / А.Н. Сагайдак // Вісник Одеського національного університету. Психологія. – 2015. – Т. 20, Вип. 2 (36). – С. 128–135.
11. Сагайдак А.Н. Хтонический полюс архетипа Анимы и его влияния на гендерные отношения в семье (опыт аналитической практики) / А.Н. Сагайдак // Сучасні тенденції психологічного розвитку сім'ї : збірник наукових праць. – Херсон : ПП Вишемирський В.С. – 2013. – С.339–344.
12. Сонди Л. Учебник экспериментальной диагностики влечений / Л. Сонди. – М. : Когито-Центр, 2005. – 560 с.
13. Николаев В.И. Тест Сонди. Практическое руководство / В.И. Николаев. – М. : Когито-Центр, 2007. – 160 с.
14. Холлис Дж. Под тенью Сатурна / Дж. Холлис. – М. : Когито-Центр, 2009. – 184 с.
15. Шапира Л.Л. Комплекс Кассандры / Л.Л. Шапира. – М. : Класс, 2006. – 176 с.
16. Юнг К.Г. Душа и миф: шесть архетипов / К.Г. Юнг. – М. : Совершенство-Port-Royal, 1997. – 384 с.
17. Юнг К.Г. Психологические типы / К.Г. Юнг. – М. : ООО «Харвест», 2003. – 528 с.
18. Янг-Айзендрат П. Ведьмы и герои: Феминистический подход к юнгианской психотерапии семейных пар / П. Янг-Айзендрат. – М. : Когито-Центр, 2005. – 268 с.